

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г Р О Й

ЗЕЛЕНАЯ
ТЕТРАДЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Оформление серии *Натальи Каштыкиной*

Рой, Олег.

Р65 Зеленая тетрадь : роман / Олег Рой. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172346-0

Казалось бы, что может быть общего между стильной танцовщицей хип-хопа и скромной киргизской девушкой, чьи родители работают в ДЭЗе? Крутым сорокалетним хэхантером и парой юных молодожёнов-студентов? Или ненавидящей свою работу секретаршей-толстушкой и мужчиной в кризисе среднего возраста, разрывающимся между семьёй и любовницей? Но однажды каждый из них находит среди книг на полке буккроссинга рукописную зелёную тетрадь — и эта тетрадь неожиданно меняет всю его жизнь...

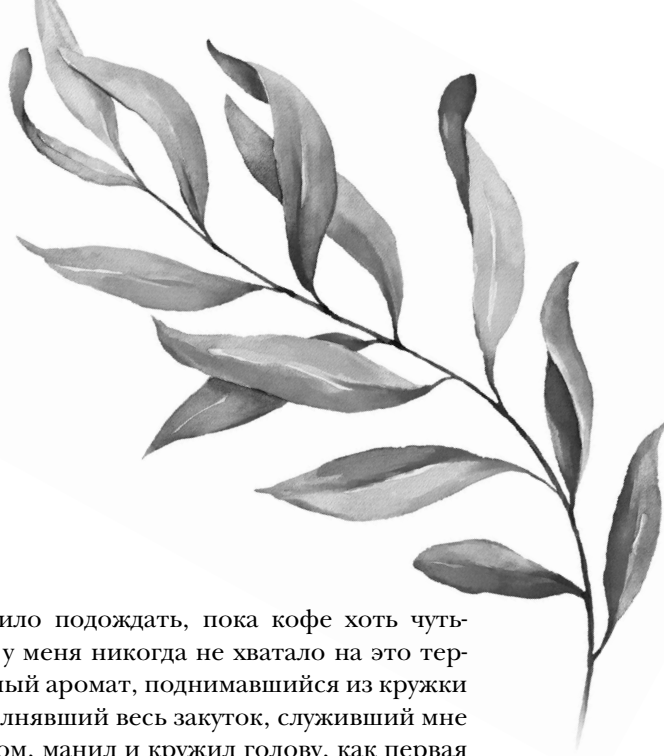
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172346-0 © О. Рой, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

ЭПИЗОД 1

Катя
Перышко,
или
Ты живешь
только раз

Вообще-то стоило подождать, пока кофе хоть чуть-чуть остынет, но у меня никогда не хватало на это терпения. Упоительный аромат, поднимавшийся из кружки и мгновенно заполнявший весь закуток, служивший мне рабочим кабинетом, манил и кружил голову, как первая юношеская влюбленность. Чувствуя себя не в силах противиться соблазну, точно Ева в райском саду, я вынула из верхнего ящика начатую утром шоколадку с орехами, аккуратно взяла кружку, с наслаждением сделала первый глоток и сразу почувствовала себя героиней какого-нибудь фэнтези-романа, внезапно попавшей из унылых серых будней в прекрасный сказочный мир замков, волшебных цветов и добрых фей.

— А у вас, Екатерина, смотрю, очередной обеденный перерыв? И какой же по счету за сегодня — четвертый или пятый?

Я испуганно вздрогнула и чуть не подавилась горячим напитком. Издевательские нотки в голосе новой началь-

ницы хоть и стали привычными, все же неизменно продолжали достигать цели, каждый раз выводя из равновесия. А ведь только сегодня утром, по дороге на работу, я дала себе слово не вестись на провокации со стороны Змеюки Подколодовны. Но попробуй не поведись, когда директриса, появившись точно из-под земли, склонилась над тобой, постукивает по краю столешницы дорогущим, бордовым с золотом, маникюром и смотрит с таким ехидством, что кусок застревает в горле.

— Между прочим, совещание вот-вот начнется, — с той же мерзкой интонацией продолжала Змеюка. — Но вы, конечно, были настолько заняты своим любимым кофе, что так и не удосужились распечатать презентации.

По-хорошему, сейчас был самый подходящий момент довести до ее сведения, что презентации у нас всегда распечатывал отдел маркетинга, они же и готовили материалы для совещания. Однако с появлением нового руководства и сменой доброй половины коллектива вся налаженная схема работы нашего подразделения полетела коту под хвост.

И я в очередной раз ничего не сказала, а вместо этого только выдавила из себя некое подобие улыбки, отодвинула, точно от сердца оторвала, дымящуюся кружку, нажала на нужную иконку на экране и заверила:

— Все готово, Александра Павловна, уже посылаю материалы на печать.

— Это надо было сделать за час до совещания, а не после его начала, — нравоучительно отметила начальница и уплыла в направлении своего кабинета.

Я посмотрела на часы — до совещания оставалось еще

что-то Змеюке себе дороже. Вон на прошлой неделе Даше Свиридовой после дискуссии с новой директрисой пришлось писать заявление по собственному, а я не могу позволить себе такую роскошь. Я не Даша, у меня нет востребованной специальности технолога пищевого производства, и за рабочее место, пусть и ненавистное, волей-неволей приходится держаться. Даже сейчас, когда в нашем некогда веселом и по-хорошему шумном офисе стало так неуютно. Почти все сотрудники, с которыми я была в нормальных отношениях, разбежались кто куда, не выдержав Змеюкиных методов руководства, а новых она набрала как специально — один неприятнее другого. Я человек замкнутый, застенчивый, мне трудно сходитьсь с незнакомыми людьми — и уж тем более с подобными типчиками, которых моя подруга Ирка Звонарева определяет точными словечками «токсичные коллеги».

Последняя страница презентационных материалов наконец выползла из принтера, и я стала торопливо распределять листы по стопкам для раздачи участникам совещания. Сиротливо остывающий в кружке кофе пах ноябрем и полным разочарованием в жизни.

В переговорной, как и следовало ожидать, я появилась первой. Разложив материалы по столам, направилась назад, к своему рабочему месту — надо было отослать документы в филиал в Краснодаре, — но на выходе снова столкнулась со Змеюкой.

— Екатерина, я вроде бы ясно выразилась по поводу вашего присутствия на совещании, — снова прицепилась та. — Вы должны записывать все, что мы обсуждаем, и затем напоминать маркетологам о сроках сдачи проектов.

— Я помню, Александра Павловна, даже диктофон приготовила, чтобы ничего не упустить, — заверила я. — Но у меня еще есть несколько минут, хотела до совещания отправить письмо в филиал.

Признаюсь, в глубине души я надеялась, что после таких слов Змеюка если не похвалит меня за рабочее рвение, то, по крайней мере, отстанет на какое-то время. Но не тут-то было! Холеная физиономия шефини только скривилась в язвительной усмешке.

— Ну, конечно, в вашем-то возрасте как все упомнить? Например, что письмо надо было отправить еще вчера.

— Мне всего тридцать семь лет, а не семьдесят, — не удержалась я, но тут же прикусила язык.

— Тридцать семь — это для секретаря уже пенсионный возраст, — авторитетно выдала Змеюка. — Понимая это, вы должны действовать куда расторопнее!

От продолжения неприятного разговора меня спасло появление в переговорной хипстера Миши из отдела маркетинга, «первого парня» в новой версии нашей «деревни», то есть фирмы. Чуть ли не вся женская половина коллектива тайно или явно вздыхала по этому помешанному на брендах смазливому типчику, а он с удовольствием пользовался их расположением и лез из кожи, чтобы очаровать всех и каждую. Впрочем, на меня он свое обаяние никогда не тратил, я для Миши всегда была пустым местом. Да и другие новые сотрудники обращали на меня внимания не больше, чем на принтер, и уж точно меньше, чем на микроволновку или кофеварку.

— Михаил, — Змеюка тут же порозовела и стала накручивать прядь волос на кончик указательного пальца, —

вы, как обычно, приходите раньше всех! Многим неплохо бы поучиться у вас пунктуальности.

Презиравшая меня за неподобающий возраст Александра Павловна была всего-то на год младше, но ни одно из колец, которые каждый день менялись на ее костлявых, как у скелета, пальцах, не напоминало обручальное. Неудивительно, что всех женщин она считала личными врагами, а мужчин воспринимала как объект охоты.

Еле удержавшись от того, чтобы не скрипнуть зубами, я отвернулась от них и плюхнулась на самый дальний стул в углу переговорной. Раньше на общих собраниях мы обычно сидели рядом с Дашей Свиридовой, шушукались и тихонько хихикали. Но сейчас на соседнем со мной стуле устроилась, закинув одну бесконечную ногу на другую, Олеся, новый менеджер по рекламе, долго-вязая девица, отчего-то вообразившая себя красавицей. Впрочем, в наше ненормальное время многие действительно считают, что выпирающие, как металлоконструкции, ключицы и тощие нижние конечности буквой «Х» — это красиво. Естественно, о том, чтобы поболтать с надменной, словно особа королевских кровей, Олесей, не могло быть и речи. Да и о чем мне с ней говорить? За весь тот неполный месяц, что она здесь работала, мы не сказали друг другу и двух слов не по делу, да и вряд ли сумели бы найти общие темы для разговора.

Поэтому я включила диктофон, склонилась над блокнотом, делая вид, что старательно конспектирую каждое слово, и принялась мечтать о том, что через час, максимум через полтора это дурацкое собрание закончится. И тогда можно будет пойти на кухню и опять сварить

себе кофе. На этот раз, пожалуй, сделаю его с корицей и шоколадом — такое сочетание у меня почему-то всегда ассоциировалось с детством, солнцем и счастьем. Даже несмотря на то, что и в детстве я, собственно, тоже совсем не была счастлива. Чем больше я думаю об этом, тем увереннее прихожу к выводу, что понятие счастья мне, в общем-то, никогда не было знакомо. И вряд ли когда-нибудь будет...

* * *

— Катя, это ты? — послышался из спальни голос матери.

Господи, ну а кто же еще-то? Я кивнула в ответ, хотя вряд ли она могла меня видеть. Сбросила порядком измучившие за день туфли на каблуках и, не без труда нагнувшись, помассировала ступни. Сегодня пришлось как следует побегать по офису — такое ощущение, что Змеюка специально поставила своей целью вымотать меня, чтобы я не выдержала и сама написала заявление об уходе.

— Что-то ответа не слышу, — проворчала моя любящая мать, выходя в прихожую.

— Я устала, не хочется говорить, — вздохнула я.

— И от чего же ты так устала? Весь день, что на работе, что дома, за компьютером сидишь да кофе с конфетами и пирожными гоняешь, — послышалось в ответ. — Посмотри, как тебя разнесло! Скоро в дверях будешь застревать!

— Слушай, ну хватит уже, сколько можно...

В надежде, что на этом разговор прекратится, я направилась в большую комнату, служившую одновременно

и гостиной, и моей спальней. Но мать явно не собиралась оставлять меня в покое и двинулась следом. Стояла рядом, наблюдая, как я переодеваюсь, и комментировала:

— Ох, Катька, Катька! Ну как так можно?! Сорока еще нет, а какой живот наела. И чего ж удивляться, что такую толстуху никто замуж не берет!

Что-то сегодня мать особенно быстро завелась. Видимо, подготовилась заранее. Делать-то ей нечего, сидит дома, телевизор смотрит и ждет моего прихода, подбирает слова, чтобы вылить все на меня, когда я наконец притащусь с работы. Раньше я сильно обижалась на нее за этот вечный бубнеж, но потом почитала в интернете статьи о ее болезни, и все стало на свои места. Оказывается, плохая работа эндокринной системы всегда влияет на психику, и здесь ничего не поделаешь. А у матери с молодости проблемы с щитовидкой, она чуть ли не с двадцати лет сидит на искусственных гормонах. Неудивительно, что отец сбежал еще до моего рождения и навсегда вычеркнул из своей жизни ее, а заодно и меня. И хоть я и злилась на отца, которого не видела даже на фото, потому что мать уничтожила все снимки, но в чем-то его понимала — не иначе мужику доставалось не меньше, чем мне.

Подруга Ирка Звонарева уже давно уговаривала меня съехать от матери и снимать квартиру, но как ее снимешь — с моей-то нищенской зарплатой! Так уж вышло, что и с профессией мне в жизни не повезло так же, как и с внешностью. Мать, всю жизнь проработавшая бухгалтером, настаивала, чтобы и я получила экономическое образование, и мне пришлось подчиниться, хотя никогда не считала математику своей стихией. В школе

отметки у меня были неважные, так что о поступлении на бюджет нечего было и думать. Впрочем, мать это предвидела и много лет откладывала деньги мне на учебу, из-за чего нам приходилось отказывать себе во всем остальном. Кто ж знал, что это проклятое экономическое образование в итоге никому не сдается! Мы выбрали коммерческий вуз с громким названием «международный университет», казавшийся солидным заведением, поскольку его реклама в то время висела на всех столбах и даже шла по телевизору. Поступить оказалось на удивление легко, и то, что учили в универе, мягко говоря, неважно, меня, признаюсь, тогда не насторожило, а даже радовало — не нужно было напрягаться. Тем большее стало разочарование: по окончании оказалось, что мой диплом бесполезен и нигде не котируется, как и другие, якобы международные, дипломы многих «университетов» и «академий» с пафосными названиями. Не прошло и нескольких лет после моего выпуска, как все эти вузы исчезли, не пройдя аккредитацию, так же быстро, как и появились, и признаваться в том, что ты окончила один из них, стало даже неловко. Так что ни о какой карьере экономиста для меня не могло быть и речи. Поныкавшись в поисках работы больше года, я наконец устроилась, секретарем в одно из подразделений фирмы, занимавшейся производством кондитерских изделий, где и проработала четырнадцать лет, аккуратно до сегодняшнего дня. Раньше, если не считать маленькой зарплаты и дороги через всю Москву, отнимающей каждый день два с лишком часа моей и так не слишком радужной жизни, все остальное там раньше было еще более или менее терпимо. Но именно *было*

раньше — до смены руководства и появления Змеюки Подколодовны...

— Катерина, ты что, оглохла? — вывел меня из задумчивости голос матери.

— Извини, — встрепенулась я. — Что ты говоришь?

— Есть, говорю, хочешь?

— Хочу.

— Ну, конечно, когда ты отказывалась... — пробормотала мать, удаляясь на кухню. А я, отвернувшись, вытерла тыльной стороной ладони выступившие от обиды слезы. Еще не хватало, чтобы меня попрекали куском в собственном доме! Пусть оклад у меня и небольшой, но на продукты я все-таки зарабатываю. И даже на кофе остается, пусть и не столько, сколько хотелось бы.

— Что ты там застряла? — снова послышался голос матери. — Ужинать мы в следующем веке будем?

Я высморкалась, натянула футболку и потащилась на кухню.

На ужин, конечно же, опять была рыба на пару и тушеные овощи. А так хотелось после сегодняшнего мерзкого дня на работе побаловать себя чем-нибудь вкусненьким, хотя бы жареной картошкой или курицей... Ладно, ничего, перетерплю, не привыкать. И подожду до завтра. Завтра суббота, мы с Иркой еще на той неделе договорились погулять в парке Горького, а вечером поужинаем в каком-нибудь кафе. И там я уж точно не буду давиться этой безвкусной преснятиной.

— В поликлинику, конечно, опять не сходила? — поинтересовалась мать, складывая в раковину опустевшие тарелки. — Тебе давно уже пора щитовидку проверить.

Опять двадцать пять.

— Слушай, ну сколько можно? Я же ее только год назад проверяла.

— Все равно проверь.

— Да нет никакой необходимости делать это так часто! — Не удержавшись, я повысила голос. — Ты прекрасно знаешь, что твоя болезнь не генетическая, по наследству не передается.

И мысленно добавила: «В отличие от невезения». Да, приходится признать горькую правду — не только я у мамы неудачница.

— Знаю, но провериться все равно не помешает. — Мать упрямо стояла на своем.

— Ладно, — буркнула я, иначе этот разговор мог растянуться на весь вечер, и подошла к кофемашине, кредит за которую выплатила только в прошлом году. Мать, разумеется, не могла оставить это без комментариев.

— Ну вот, опять наглотаешься этого своего кофе на ночь и до утра в этом своем дурацком интернете просидишь, — завела она свою шарманку, но у меня уже не было сил реагировать. Меня ждало свидание с нежным и романтичным кофе флет уайт — единственный доступный мне уже много лет вариант свиданий.

Утро субботы выдалось солнечным, как, собственно, и должно быть в апреле. Отличная погода, предвкушение встречи с подругой и особенно удавшиеся матери сырники с малиновым вареньем на завтрак подняли настроение на уровень «жизнь не так уж и плоха». Как же жаль, что подобные светлые моменты случаются столь редко...

— Ты, надеюсь, не на весь день? — осведомилась мать, наблюдая, как я поправляю юбку у зеркала в коридоре.

— Как получится. Мы хотели еще в кафе посидеть.

— Ну вот... А я-то собралась на ужин драников нажать, ты же любишь. — Похоже, она чувствовала себя виноватой, что вчера весь вечер выносила мне мозг, и хотела таким образом подлизаться.

— Ничего страшного, нажаришь завтра, — отрезала я и, чтобы смягчить жесткость своих слов, добавила: — Я тебе помогу, картошку почищу.

Мать в ответ вдохнула так, точно я уходила не на прогулку, а по меньшей мере на войну, и поинтересовалась:

— Ты опять с Иркой, что ли?

— А с кем же еще?

— Ну иди, иди, — милостиво разрешила она. — Может, наконец-то познакомишься с кем-нибудь. Ирка эта твоя мужиков как перчатки меняет, хоть бы пример с нее брала, что ли...

Что у матери всегда получается лучше всего, так это свести любой разговор к моей личной жизни, вернее, к ее полному отсутствию. Талант просто. Вот и сейчас, пока я причисывалась и красилась, она стояла рядом и бубнила:

— А то ведь так всю жизнь и просидишь одна... Тебе уже под сорок, когда замуж-то выходить? В пятьдесят, что ли, когда рожать уже поздно будет?

И так далее, и тому подобное...

Я проверила сумочку, все ли на месте, и поспешила выскочить из квартиры. Настроение было отвратительное.

К счастью, у подъезда уже стояла знакомая красная машина.

— Ну, давай рассказывай, как у тебя все плохо, — приветствовала меня Ирка. Эта шуточная фраза давно уже стала для нас привычной.

— Ой, не спрашивай, — буркнула я, устраиваясь на переднем сиденье и застегивая ремень безопасности. — Все как обычно. На работе начальница третирует, дома мать доводит.

Ирка развернула зеркало заднего вида, поправила помаду на губах и, оставшись довольной своим видом, завела мотор.

Подруга была полной моей противоположностью — это замечали все, кто нас знал. Яркая брюнетка с хорошей фигурой и ростом метр семьдесят, она всегда привлекала к себе всеобщее внимание. Но причиной ее популярности была не внешность, а легкий и веселый нрав. Мы дружили со времен студенчества, с первых же учебных дней — тогда моя застенчивость только раздражала бойкую Иру, и она решила во что бы то ни стало со мной познакомиться. А когда Ира Звонарева ставила перед собой цель, цель была обречена.

После университета Ире повезло больше, чем мне: она смогла устроиться в приличный банк и сейчас занимала должность начальника отдела верификации. Работу свою она тоже, как и я, терпеть не могла, но мирилась с ней, поскольку зарабатывала в разы больше, чем я. И несмотря на различия в социальном положении и взглядах на жизнь, мы продолжали оставаться лучшими подругами.

В отличие от меня, Ирка всегда знала, как надо правильно жить. В интернете ее интересовали не браузерные игры и фанфики, как меня, а всевозможные мотивационные статьи и аффирмации. «Быть счастливой очень легко — просто будь ею!» — вечно твердила она.